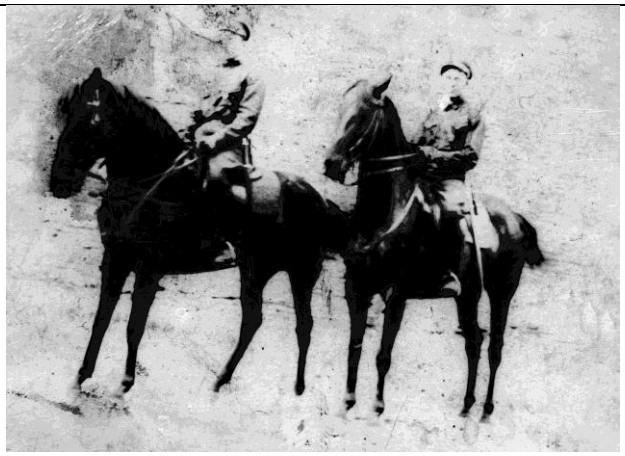
Чвертко Константин Иванович

родился 1 мая 1910 года
в станице Бесскорбная
Армавирского района
Краснодарского края.

Проходил срочную службу С 15.11.1932 по 30.10.1934гг.
в 4 кавалерийском корпусе в городе Армавире.



В 1935г. получил специальность сварщика и был командирован в Башкирию на строительство нефтепровода, а потом в поселок Капотню Московской области. Там встретил свою будущую жену Клавдию. В 1939г. родилась дочь

30 июня 1941 года был мобилизован в армию и направлен в город Коломна на трехмесячные подготовительные курсы. С 3 ноября 1941 года и до конца войны воевал в составе 8-го отдельного гвардейского минометного дивизиона, позднее развернутого в 66 гвардейский минометный Красно-

знаменный Киевский полк. Первоначально служил командиром зенитного орудия МЗ-37 во взводе ПВО. Был редактором боевого листка взвода ПВО. С июня 1943г. по декабрь 1943г. был помощником командира взвода управления. Был трижды ранен, но всегда возвращался в свою часть. До конца жизни носил в ноге семь осколков снаряда. В 1944 году стал командиром реактивной установки "Катюша", а с января 1945 года – артиллерийским мастером.

III. Участие в походах, награждения и отличия

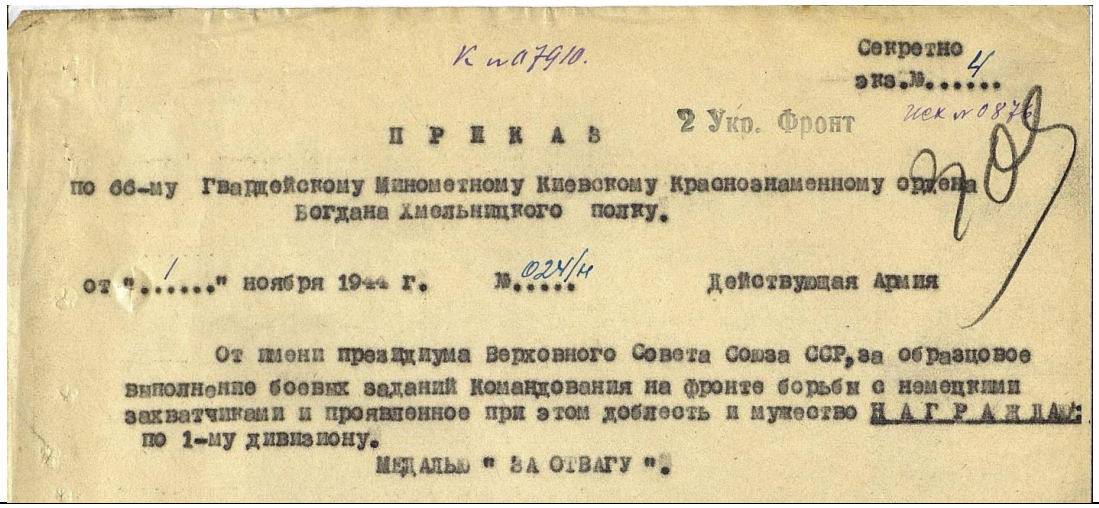
Когда, где участвовал на войн. За что награжден	Месяц и число	Год и № приказа	Расписка командира роты
Отечественн. війна	Окт. 1941		
За оборону Москвы			
Западный фронт			
Брянский фронт			
Воронежский фронт			
1-й Украинский фронт			
2-й Украинский фронт			
Медалью, за отвагу			
Пр. 667 н.к.в.м. от 30.12.1944 г. № 024/н			

ПРИМЕЧАНИЯ
ко второму и третьему разделам:
1. Записи производятся командиром роты по данным приказов по части. При переводе в другую часть сведения о прохождении службы подписываются Начальником штаба части с приложением печати.
2. По новому месту службы записи о дальнейшей службе делаются в этом же разделе.

6

Его часть принимала непосредственное участие в боевых действиях в составе Западного, Брянского, Воронежского, Первого и Второго Украинских фронтов, участвовала в битве за Москву, в Орловско – Курской операции. Чвертко К.И. был отмечен благодарностями Верховного Главнокомандующего за форсирование реки Днепр и освобождение города Киев, за прорыв обороны и освобождение городов Яссы, Араде-Маре, Дебрецен, Будапешт, Трнава, Сенец, Братислава.

За проявленный героизм и мужество 30 декабря 1944 года награжден медалью «За отвагу»



К № 7910.

Секретно
экз.№ 4

2 Укр. Фронт

Н К № 0876

ПРИКАЗ

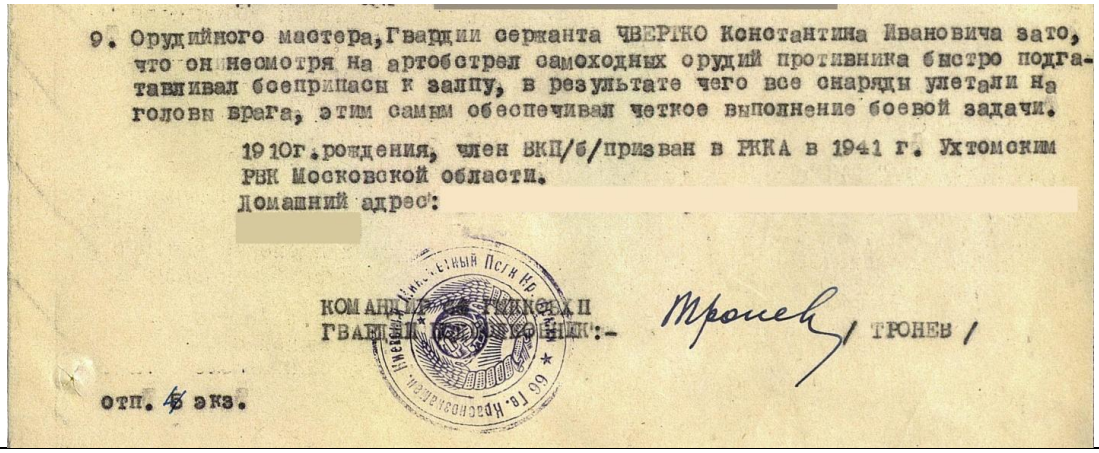
по 66-му Гвардейскому Минометному Киевскому Краснознаменному ордена Богдана Хмельницкого полку.

от "1" ноября 1944 г. № 024/н Действующая Армия

От имени президиума Верховного Совета Союза ССР, за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленное при этом доблесть и мужество НАГРАЖДАЮ:

по 1-му дивизиону.

МЕДАЛЬЮ " ЗА ОТВАГУ ".



9. Орудийного мастера, Гвардии сержанта ЧВЕРТКО Константина Ивановича зато, что он несмотря на артобстрел самоходных орудий противника быстро подгатавливал боеприпасы к залпу, в результате чего все снаряды улетали на головы врага, этим самым обеспечивал четкое выполнение боевой задачи.

1910г. рождения, член ВКП/б/призван в РККА в 1941 г. Ухтомским РВК Московской области.
Домашний адрес:

КОМАНДИР 66 ГВАРДЕЙСКОГО ПОЛКА:- Тронев / ТРОНЕВ /

отп. 5 экз.

А также медалями "За оборону Москвы", “За взятие Будапешта", "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг", орденом Отечественной войны первой степени и многими юбилейными медалями и почетными знаками

После войны в семье родились еще 2 сына. Константин Иванович работал сварщиком в СМУ-8 Московского треста Спецмонтажавтоматика на строительстве и реконструкции Московского нефтеперерабатывающего завода. По своей профессии бывал в длительных командировках на Дальнем Востоке, в Афганистане и на космодроме Байконур.

Дожил до 97 лет. Очень любил жизнь. Всегда был оптимистом. Любил свой яблоневый сад, огород, но так и не смог забыть всех ужасов войны. Когда рассказывал о войне, заново переживал события тех лет. Наш дедушка был простым человеком. Таким мы его и любим, и помним.

Из рассказов разных лет (1975 – 2007гг.)

Мобилизовали меня 30 июня, а 3 июля выступил Сталин. Он так сказал: «Братья и сестры! Над нами нависла серьезная опасность! Враг силен, хитер, коварен и опасен!» Я всю войну помнил эти слова,

что надо быть очень осторожным. И по сей день не забыл. Может быть, это меня и спасло.
В начале войны меня взяли на курсы. Изучали военное дело, новую военную технику изучал, Катюши. Через три месяца как раз окончил, а немцы начали бомбить Москву. Оборона Москвы была очень трудная вещь. Я попал в 8 отдельный Гвардейский дивизион. Сначала я был в разведке. Очень интересная работа, на передовой, чуть ли не у немцев. И видишь все своими глазами.

Однажды ходили в разведку. Подъехали к деревне. Приказ - к утру дать сведения, как там – немец или нет. Так не видать – деревня за бугром. Взял я одного красноармейца. Ну, мы, значит, взяли автоматы, по 2 гранаты против танков, и в час ночи пошли. Тихо. Шли полем, не по дороге, сначала в рост шли, потом пригнувшись, потом – по-пластунски… Смотрим – у крайнего дома - стог соломы, по бокам - танки, похоже, стоят справа и слева. Ползем ближе. Договорились, если немцы - бросать гранаты по танкам, потом - тикать. Ну, ближе, ближе, подползли - а там, оказывается, - комбайны. Дошли до крайнего дома. Никого кругом дома нет. Обычно бывает – ночью охрана, часовой где-то должен ходить. А тут никого нет. Постучались - боятся, не открывают. Я говорю: «Откройте! Мы свои, русские!» Тогда открыли нам. И говорят – 2 часа как ушли немцы. Доложили, что немцев нет. Приказ выполнен – нам благодарность! Благодарность и бутылка на троих. А нам все получилось на двоих. Самое хорошее дело было для солдата.

Потом я попал во взвод ПВО. У нас было 2 орудия МЗ-37 и 2 счетверенных пулемета (то есть всего 8 пулеметов). Из орудий МЗ-37 можно было вести стрельбу, как по самолетам, так и прямой наводкой по танкам противника. Я был назначен командиром первого зенитного орудия МЗ-37.
А также в нашем дивизионе было 3 батареи по 4 орудия БМ-13 (Катюша), установленных на тракторах «Сталинец» и одна батарея БМ-14, установленных на танкетках. Здесь 16 снарядов на одно орудие, а там 48. Это специально у нас была батарея по пехоте. Их называли тогда «адскими машинами».

Перед праздником немец хотел взять Москву и праздновать в Москве. Рано утром 5 ноября 1941г. в 3:35 утра нас построили и зачитали приказ: «Едем выполнять боевое задание». Я как стоял - у меня шапка чуть не упала. Волосы дыбом поднялись. А после этого стали говорить меж собой, оказывается, у всех так было – шапка чуть не свалилась. Вот как в первый раз было страшно, а потом привыкли. Как на работу ходили.
Выехали на защиту Москвы. Доехали до передовой, как дали залп по немцам - все смешали, танки, что было, мы все уничтожили. Вели огонь направо и налево. Было много уничтожено техники и живой силы противника. По улице было трудно проезжать. Прорвали оборону противника и зашли в тыл, как и было приказано. Постепенно продвигались вперед. Враг жестоко сопротивлялся.

У меня в боевом расчете было 4 наводчика. Первый наводчик наводит вправо - влево, второй наводчик поднимает и опускает ствол, третий наводчик отслеживает курс, и четвертый - дальность и скорость. Дальномерщик на земле стоял, он определял дальность. Еще заряжающий и два подносчика снарядов. Это восемь человек. И от каждого зависит цель! Очень трудная вещь – сбить самолет! А я любил не у машины рядом командовать, а на лафете стоять.

Мы когда приезжали на позицию, намечали сразу 5 огневых точек. Для Катюши что главное - ударили и сразу уматывать! Немцы так следили за катюшами! Если засекут - и артподготовка, и танки, и

самолеты налетают. Поэтому, катюши как ударят – сразу переезжают на следующую огневую. А наша цель была – отвлечь от катюш. Мы огонь брали на себя. Самолеты ходили тройками. Пикируют, бросают бомбы, набирают высоту и заходят снова. И так несколько раз. Боятся спускаться ниже - у нас 8 пулеметов и 2 пушки автоматические. Это огонь сильный. А на большой высоте мы не можем попасть. Вот как-то надо было взять два оврага. Даем залп - наши идут в атаку. Помню свеженький снег, и мы по оврагу идем. Убитых - лежат как снопы! Наших больше было. Наша пехота – одеты хорошо, белые халаты… Снег розовый от крови. Жутко смотреть было. Машина едет боевая - приходится объезжать трупы. Сколько здесь наших погибло! Сколько тут погибло народу наших боевых! Зато фашисты были разбиты.

Под Москвой очень сильные были бои. Место называлось Красная и Белая поляна на серпуховском направлении. Бои шли не только днем, но и ночь прихватывали. Фашисты бросали в бой танки, автоматчиков, била артиллерия, а еще самолеты бомбили. В таких случаях мы открывали заградительный огонь. И вот в одном месте лес был очень густой – так там ни одного дерева не осталось целого. Одни бревна да пеньки. Но танкам уже не пройти. Вот, представляешь, какие были бои!

Я вспоминаю, наша часть была, как пожарная команда. Прорвал линию противник – мы встречаем. Надо прорвать линию обороны – прорываем. Не было ни одного случая, чтобы мы не выполнили задание. Вот противник наступает – мы заградительным огнем. И как ахнем, то уже все – противник сдается.

А когда немец уже из Ельца выходил, эти места я знал. В гражданке я бывал здесь по вербовке рабочих. А Клава, жена моя, была с дочкой в Черкасах. Это рядом с Ельцом. Её хотели эвакуировать, но она никуда не поехала. Я дал ей телеграмму. Она меня смогла найти, и я еще увидел её. Попросил на другой день привезти дочку повидаться. Она ушла, а мы оттуда уехали. Я ей телеграмму дал: «Все, не приезжай»

При отступлении фашисты все деревни сжигали. Мороз был 40 градусов. Встретили один раз женщину с шестью детьми. Шла, не зная куда. А самый маленький – тот последний шел с сумочкой за спиной. Я подумал, нам трудно, а какое её положение печальное!
Всю зиму воевали, мороз, без крова. Но когда был лес, мы радовались. Строили снеговые домики. Рубили еловые ветки, клали на пол и смеялись: «Вот пуховая постель!» Никто не жаловался, что тяжело. Посреди домика ставили бочку железную и топили. Если кто близко подвинулся, загорелся – часовой будил. Но такое удовольствие было не каждую ночь.

Грозные были бои на Западном Фронте. Как появляются бомбардировщики – мы открывали огонь. Они стремились уничтожить нашу огневую позицию, пикировали по 3 самолета и бросали каждый по 7 бомб. Но огня нашего боялись, поэтому бомбы падали 150-200м от нас. Но находились и смелые. Заходили 2-3 раза. Пока они заходили в третий раз, мы меняли позицию. Они сбрасывали бомбы последние не по цели. Каждый раз, когда мы приезжали на передовую, мы намечали 5 запасных огневых, потому что немцы точно засекали нас и били в это место с артиллерии и бомбили с самолетов. Поэтому, как только катюши дадут залп, мы быстро уезжали с этого места.

И вот был случай такой – зашли они первый раз, бросили все бомбы. Море огня! Второй раз заходят

точнее, бомбы упали в 50 метрах от орудия. Не попала ни одна. Они поднимаются вверх, а мы – раз, да в другое место! И как раз туда, где мы раньше стояли, попала бомба. Как раз бы в кузов попала бы, в орудие. Нас бы никого в живых не осталось! А если бы мы не успели уехать, я бы скомандовал: «В укрытие!». С обеих сторон мы ровики копали. На 2 места. Тогда орудие бы погибло, а мы, может, и живы бы остались… Вот как вспомню все это - какие нервы надо иметь! Я вот так решил. Убьют – значит убьют. Так тому и быть. Не боялся. Не думал о смерти. А думал, как правильно поставить вопрос, чтобы выполнить задание и в бою спастись. И всегда готовился.

А как-то утром два мессершмитта летели на бреющем полете. Мы открыли огонь. Один самолет был сбит. В 300 метрах от нас врезался в сугроб. Летчик выскочил и убежал в лес. В самолете мы нашли два парашюта. В Москве сменяли на спирт.

Все время быть в боевой готовности - это значит: «Сам не пей и никому не давай!» Ящик со спиртом был у водителя. Он под замком. Без моего разрешения он ни грамма никому не даст. Сто грамм выпьешь, уже цель потеряешь, не ту поставишь!
А кормили неплохо! Борщ хороший давали. Килограмм хлеба давали, но, конечно, мало это было. Бывало в деревню приедем, там картошка... Один раз в деревне не было картошки, хозяйка свеклы наварила большой котел… Так мы эту свеклу съели и юшку выпили. Неплохо кормили, но не хватало все. А то один раз привезли на передовую мороженую кашу. И хлеб мерзлый.. Топором рубили. Вот так еще бывало.

В конце апреля 1942г. нас отправили в Москву. Менять технику – наша уже почти вышла из строя. Отъехали мы 40 км и нас вернули - немец прорвал оборону и должен был наступать. Мы выехали на тех орудиях, которые еще были исправны. Приехали ночью. Мне было приказано выехать вперед от катюш. Ближе к передовой. Утром пошли самолеты, а за самолетами – танки. Мы только открыли огонь по самолетам, как нас засекли. Я немедленно стал менять позицию. А снегу много было. Застряла в снегу машина. Ну, ребята вырубили дерево, подложили - пошла машина. Я бегу вперед, машина за мной. С машины все - кто куда, все бегут. Впереди в пяти метрах бежали заряжающий и дальномерщик. Егоров и Ефимов. Снаряд разорвался и Ефимова осколком прямо в сердце. Он упал, только ахнул, и котелок полетел в сторону. Зазвенел. Мы его схватили, положили на борт машины. Хоть бы дрогнул или глазами пошевелил. Как не было живого… Да, и еще наводчик первый – в руку ранило. Вот так мы потеряли одного товарища… Контратаку мы отбили. Через три дня подъехало подкрепление, отпустили нас в Москву. А Егоров дал телеграмму его жене: «Мы едем в Москву. Встречай!» Приехали мы в Москву. Ко мне приходят в расчет и зовут. Она пришла, мужа вызывает, а его ж нет... Я взял его часы и бритву. И пошел к ней. Часы у меня в руках. Она уже наверное поняла. Я сказал, что его нет. Погиб. Сказал, у какой деревни похоронили. Вот… А он только что женился. Вот какая печаль!

В Москве нас разместили в 75 школе. Как же мы были рады, что приехали в Москву! Вы не представляете! Это мы с 3.11.1941 и по 30.04.1942 в боях защищали Родину. Мороз, без крова и в снеговом домике не всегда удавалось заночевать. И все время были одеты и обуты. Днем и ночью. А вшей выводили снегом. В снеговом домике раздевались, снимали белье и бросали на снег, другое белье одевали. В Москве – какая радость была – сразу повели нас в баню. В центральную - с бассейном. Напарились, накупались и оделись в новую и чистую одежду. Как вновь народились! Представляете, сколько на нас было одежды! Теплое белье, простые кальсоны, диагоналевые брюки, ватные брюки, фуфайка и шуба меховая. На голове подшлемник шерстяной и шапка. На руках меховые рукавицы, на ногах – валенки простые и теплые портянки. Одеты очень тепло мы были. Хорошо, но когда устанешь, и есть возможность присесть – все равно прозябали. Был такой уговор, что если кто сидит и засыпает, то обязательно надо будить. Он уже замерзает сладким сном. Был и со мной такой случай. Сам не мог проснуться, очень сладкий был сон.

В Москве были 3 месяца. Занимались физкультурой, боевой подготовкой, но почти все заболели. БМ-13 получили на студиках – американские студики, быстроходные, вездеходные, все колеса ведущие, 3 пары. БМ-13 - это Катюши. А у нас была машина ЗИС - 6. Две оси ведущие, но тоже хорошая. Попали мы с этой техникой в Долгоруково Орловской области. А немцы следили и знали, где наши части. Только мы на станцию - как налетели самолеты. И стали бомбить. Мы съехали и сразу начали стрелять по самолетам. Все Катюши ушли в сторону. Девять штук самолетов, такая махина, пикировали, бомбили и никто не пострадал. За выполнение этого задания нам была благодарность и бутылка водка на троих…

В марте 1943г. фашисты второй раз взяли город Харьков. Войска остались в тылу врага, в том числе и мы – наша часть. А как из окружения выходили! С боем через Богодуховск, деревня Сенная. Шесть танков немецких шли полем и на них были автоматчики. Перед ними глубокий овраг. А здесь деревня, и огороды опускаются вниз. Если допустить, что они спустятся в овраг, то они в деревню пройдут прямо к домам - и тут мы на улице – Все!!! Капут нам! Дальномерщик докладывает – 600 метров. Мое орудие на таком расстоянии бронь не пробивает. Ну, тут – воля-неволя! Надо открывать огонь ! Я и открыл огонь. По гусеницам. Гусеницы побил им – они сразу крутнули. Крутнули, но танки поставили лбом на меня и ведут огонь. Когда танки идут, то пехота идет с ними в атаку… А тут они спрятались за танками, где кто смог… Теперь все же – шесть танков! А мы на машине открыто! Снаряды летят, слышно свистят, рвутся – мимо. Мы загнали машину за церковь, остался только ствол. Я сижу на лафете – вижу, как ведут огонь. А тут прибежал от командира части красноармеец и передал: «По оврагу идут 18 танков тяжелых!» И нам приказ – прикрывать огнем часть, пока не выйдет последняя машина. Катюши эти танки накрыли навесным огнем и 5 сожгли. У нас машина сгорела, которая кухню возила. Когда машина последняя уехала, мы кухню прицепили, поехали – а она у нас оборвалась. Но тут уже было не до кухни. Повернули на Белгород, на лево я глянул – танки! Замаскированы, но видно. Танки стоят, дула – в нашу сторону, и тигры нарисованы с открытыми пастями! 2 тигра на лбу. Им наше орудие - как горохом об стенку. Расчет в панике был! Мне заместитель говорит, такой парень хороший, крепкий:

– надо спирту выпить, все равно мы погибнем!

Надо же в такой момент! Я со злостью:

- Кто сказал?

Он промолчал. А допытываться некогда было, надо было вести огонь. Докладывает первый наводчик, что цель поймана. Да какая там цель поймана, когда машина полным ходом идет?! Чтобы цель поймать, надо машину остановить! На упоры поставить, поднять зад, чтобы орудие стояло крепко, твердо. Тогда только - цель. А тут машину трясет, а он – цель поймал. Ну такой порядок – это значит направил орудие на них, так мы и проехали.

Через несколько минут появилось 18 мессеров. Они зашли сзади колонны, спикировали на бреющий полет и стали строчить с пулеметов. Мы открыли огонь, 2 счетверенных пулемета и 2 орудия. Огонь был сильный. Они улетели и больше не появились. Наверняка им попало. Только кончил я вести огонь, слышим свист бомбы. Все бросились в снег. Поднимаюсь я – никого не видно. Неужели все погибли? Смотрю - поднимаются из под снега, как грибы из под листьев. Взорвалось 7 бомб близко. Машина наша была повреждена, но на ходу. После этого самолеты стали летать группами. Бомбили все время, пока не вышли к своим войскам. Танки немецкие вели огонь, трудновато было, но «Катюши» давали жару, а как только станет видно танки сзади, я останавливал машину и тоже давал огонь. Они останавливались, и я вперед - догонял свою колонну. И так все время, пока в районе Белгорода не вышли к своим войскам. Соединились со своими войсками в Белгороде. А нас вместо на-

грады, дезертирами назвали, всю часть. За то, что мы в тыл попали… А в тыл попали – значит, были у немцев… И еще, трое суток командование не знало, где мы находимся. Как такое выдержали…

Вот еще один случай. В городе Спас-Деменске фашисты объявили вечером, что завтра в 8 часов будут штурмовать и бомбить город. В 8 часов налетели штурмовики и на бреющем полете строчили из пулеметов и засыпали гранатами. Чуть за дома не цеплялись. Нам неудобно было стрелять, но все равно им досталось. Улетели. Больше на бреющем полете не пошли. Боялись. Зато полетели бомбардировщики. Стали пикировать и бомбить. Так было много! Стремились разбить наши огневые точки. Наш взвод стоял в центре города на перекрестке. Бомбили непрерывно. Так одна бомба упала прямо между орудием и пулеметом. Метров пять от нас. Нас засыпало грудой земли. У меня в расчете был тяжело ранен Горшков. Рука от плеча висела, еле держалась. Мне ноги побило глиной, до сих пор на коже следы остались, и другие тоже были ранены. А пулеметчик – он огонь вел на полу машины, когда они пикировали. Бомба взрывом заднюю часть борта снесла, и с пулемета стволы сшибло. А пулеметчик как сидел – так и сидит, хоть бы что… Такой был маленький, шустрый, даже фамилию помню - Худяков. Невредимый! Представь! Как можно такой бой пройти?! Так если со стороны смотреть, никогда бы не подумал, что останешься жив! Второе орудие было разбито. Командир был ранен, и другие в его боевом расчете. А второй пулеметчик остался невредим. Счастливым он оказался.

А когда Киев брали, я ранение получил. Там была река. Ночью переправились мы, а на следующий день немцы как нажали нас, чуть в речку не столкнули. … Разведка языка взяли, доложили, что завтра в 10 часов целый час будет сильный огонь и потом пойдут в атаку. Оказывается, что у нас в тылу уже 75 км прошли танки, тигры, большая группа. Приказ был, чтобы мы замаскировались, и чтобы ни было, молчали. И вот когда уже танки пошли в атаку – то нам разрешили стрелять. А тут разрешили - не разрешили – так все равно стрелять будешь, раз такое дело. И вот как дали мы им!!! Все силы пришлось применить. Уже приготовились не то что с Катюши стрелять, а уже и гранаты приготовили. Еле спаслись, но все же отбились. Танки, какие остались целые, удрали. Уже утром разведка доказала, что на старой границе никого нету… А потом наши пошли в атаку. Жуков там командовал. Он приказал - включили прожекторы, и машины все шли с включенными фарами. И весь город ночью был освещен как днем, все было видно. 6 ноября 1943г. штурмом взяли Киев.

Ну много, много, много всего такого…. Всего не запомнишь. Такая обстановка чуть ли не каждый день. Бой, бой, бой. Редко какой день пройдет, чтобы не вели огонь.
Что прошли мы – Румынию прошли. Бессарабию. В Румынии было плохо то, что не было лесов. Не скрыться. Летом мы, как только остановимся, копали яму. Большую яму, чтобы машина зашла боевая, и борта положили на землю. Чтобы вся машина была скрыта. 2 часа копали одну яму – расчет 8 человек. Один раз пришлось 6 раз копать.

А нашего командира части первого дивизиона Губанова в Дебрецене в Венгрии пулей снайпер убил. Семенов теперь моим расчетом командовал (я тогда уже на Катюше был). Губанов пришел в расчет и повел машину к передовой. В одном месте остановились, он пошел осмотреться. А там поляна была, на ней - немцы. И снайпер его заметил и прямо точно в лоб попал. Так Семенов открыл огонь по поляне, откуда стреляли, с орудия. На автомат поставил и как чесанул по этой полянке – так там никто больше не отозвался…

А один раз, в Венгрии это было, иду с одной деревни. Снег идет, дорожка, а мне навстречу - человек. На ногах корзинки – зима ж была, холодно. Запутанный, нос у него синий – отморозил. Встречаемся, я с автоматом наперевес: «Куда идешь?» А он: «Я еврей, еврей!» Думал, что я не пойму и говорит: «Я – жид, жид!» Я ему: «Ну, иди, жид!» Вот так назовешь - оскорбишь, а он сам назвался, думал, что не понимаю и говорит : «Я – жид, жид!». Так перепугался.

Теперь Венгрия, Будапешт. Три месяца мы никак не могли взять город. Был дан приказ три корпуса конницы послать в тыл врага. Хотели прорвать линию обороны.
С генералом Плиевым командующим корпусом конницы наша в/ч 66й гвардейский минометный полк прошел по тылам врага за 8 суток с боем 750 км.
Плохо было то, что взвод ПВО, где я раньше командиром орудия был, почему то к штабу присоединили. Охранять штаб. По самолетам не стреляли, только в случае чего, спасать штаб. Знамя было на начальнике штаба. Он его на себе носил. Считалось, что если знамя осталось целое – то полк спасается. А если знамени нет – то полк расформировывают.
Так вот в одном месте как налетели самолеты! Они преследовали нас, налетели штурмовики. А такая была погода – ехать можно только по шоссейке. Не свернешь на машине никуда. Бьют и бьют по нашей коннице! Все ближе к нам. Хорошо, что деревья были. Мы останавливаем машины и падаем между деревьев. Конница скачет – от своей конницы погибнешь! А ничего! У нас орудие оказалось невредимо! Но один парнишка – только что поступил санинструктором. Так его в живот, разорвало. Просил меня его пристрелить. Подняли его на машину, но он скоро умер. Ровик выкопали и его похоронили. Тогда ж как – хоть наверху не будет лежать. Ехали, ехали, нас все бомбили. В одном месте окружили нас, но ночью мы прорвались, как-то выскочили. А один молодой парнишка, лейтенант, очень грамотный, хороший был - он не успел и остался. Утром там никого не нашли - они наших вешали и казнили…
К Будапешту мы подошли с тылу, с севера зашли. И тут деревушка: станция и церковь. На церкви, оказывается, у них разведка была. Но это мы потом узнали. Они ожидали нас, выкопали ров противотанковый. И вот наша конница как поскакала! А они как ахнули из своих орудий! Лошади как поднялись на задние ноги, повернулись на месте и назад! Если б я не на машине был – так и убили бы! Все! У конницы паника. Генерал нам приказал дать залп, а коннице – в атаку! Как гакнули мы - заглушили немцев! Они очень Катюшку боятся. Конница поскакала вперед. Через 20 минут мы взяли эту оборону. Осталось 12 км до Будапешта. Но после этого такого сопротивления не было. Даже город взяли быстрее. Конница с тылу ворвалась в город, понаделала паники!

В тыл я уже ходил на Катюше. После этого похода поставили меня артмастером на Катюше. У меня было 4 Катюши, я мог в любую машину садиться с командиром орудия, если командир докладывает, что есть неисправность. Я уточняю. Один раз снаряд не вылетел, я его разобрал. и точно установил причины. А потом собрал и командиру орудия сказал «заряди!». Там все очень просто. В этом снаряде – это тогда не разрешалось, секретно было - там порошок в шелковом мешочке, грамм 500 и 4 свечи толстых. Заднюю часть выворачиваешь, вытаскиваешь эти свечи, и потом мешочек. Я вытащил свечи, мешочек. Мешочек просушил, обратно собрал и он спокойно выстрелил. Сколько таких снарядов обратно отправляли, когда можно было на месте мешочек заменить – и все.

Ну а вот в Чехословакии мы закончили войну. Чехословакия страна очень богатая. Очень устроена, в домах электричество, машины там… Молодцы, живут хорошо! И вот в одном месте там еще не сдавались немцы. Мы дали огонь по ним, и они сдались девятого.
Я в лес ушел, выхожу – бегают, кричат и меня хватают:
– Кричи «Ура!!! Ура! Ура! – война кончилась!»
Вот так…